

Б. ЗАЙЦЕВ

Ахматовой

Показал бы тебе, насмешнице,
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей...

Я Вас встретил, Анна Андреевна, всего раз. Бог знает когда, в 1913 году. Веселая ли Вы были грешница, царскосельская ли насмешница, не знал — да и встреча была беглая, в Петербурге, в «Бродячей собаке». Все мы тогда (говорю о круге литературном) жили довольно беспечно, беззаботно и грешно, о будущем не думали, ничего не подозревали (кроме Блока и Белого: те предчувствовали).

Вот и Вы мне показались, в этой «Собаке» кабаретно-артистической, среди гама и шума, вина, распущенности, песенок Кузмина, разных «Паллад» тамошних, выкриков Бориса Пронина, конференсье — юной элегантной дамой, остролицей и изящной, избалованной, слегка с ужимкой — похожей на портрет Ваш Сорина («Requiem» теперешний).

Мне представили Вас как молодую поэтессу, Вы уже и тогда выдвинулись. Литературно я Вас знал, но мало. Да и позже — не скажу, чтоб очень. «Четки» и другие книги. Всё изящная дама.

Но вот грянуло. Ураган кровавый, дикий, все перевернувший. Правого и виноватого без разбору косивший. Но некие души и зажигающий. В нем они очищались, росли, достигали всей силы.

Души Чистилища. Всем живым, грешным, но с зерном горчичным, предстояло пройти сквозь это. И Пастернаку, и Вам, и еще другим. Пастернак раскланялся с Маяковским. Вы — с «Бродячей собакой»: была она даже мила, богемна, но не по

масштабу. Буря Вас взрастила, углубила — подняла. Кто не знает, что такое — биться головой об стенку, тот не видел революции.

Некогда Достоевский сказал юноше Мережковскому: «Молодой человек, чтобы писать, страдать надо». Если бы Достоевский не стоял у столба смерти и не побывал в «Мертвом доме»... — был ли бы он вполне Достоевским?

Вы ни в ссылке, ни в «Мертвом доме» не были, но около него стояли. Бились ли дома головой об стенку за близкого — не знаю. Но искры излетели из сердца. Вылетели стихами, не за одну Вас, а за всех страждущих, жен, сестер, матерей, с кем делили Вы Голгофу тюремных стен, приговоров, казней.

Вот о них, как и о себе, Вы и сказали позже:

Буду я как стрелецкие женки,
Под кремлевскими стенами выть.

С даром поэзии Вы родились. Вначале безраздумно расточали, но Судьбе угодно было по-другому:

Чашу с темным вином
Подала мне Богиня печали.

Вот и выросла «веселая грешница», насмешница царско-сельская — из юной элегантной дамы в первую поэтессу Родной Земли, голосом сильным и зрелым, скорбно-звонящим, стала как бы глашатаем незащитных и страждущих, грозным обличителем зла, свирепости.

В эти отмеченные Вами дни обращаюсь к Вам, Анна Андреевна, с низким поклоном — от собственного человеческого сердца, от сердца старшего литературного собрата и, смею думать, от лица многих почитателей Ваших.

Храни Вас Бог. Дай сил и здравия.

